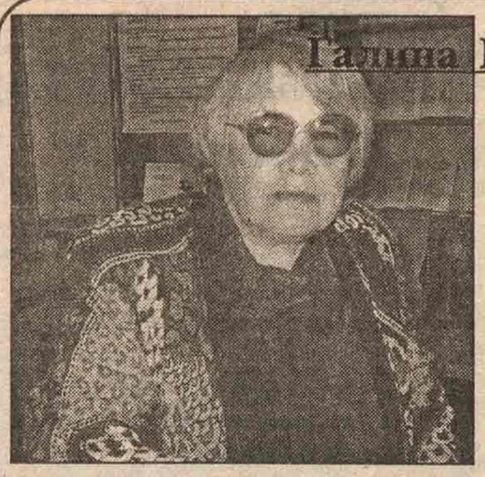
№ 5(10) 7/05/04

Подгорненская пророчица

Рассказ **Амурские байки**

Галина БЕЛЯНИЧЕВА



Хуже нет, если на вечерней заре Катерина пройдет в черном платке мимо чьего-то двора. И нет ничего лучше, если на утренней заре она пройдет мимо в светлом платке. Когда она в черном покрытии, люди шлют в след ей проклятия и начинают готовиться к худшему. Когда в светлом - радуются и ждут добрых событий. Ни разу Катерина с предсказанием не ошиблась и ни разу, проси-не проси, преждевременно не открыла, в чем будет заключаться беда или радость.

Иногда Катерина и пошутить может. Допустим, идет вечером в черном платке, а из-под него белый вытарчивает. Это означает, горе - не горе, беда - не беда. Так она однажды Антонине Маклаковой напророчила. Антонина как раз во дворе возилась. Завидела Катерину в черном, хотела было крепким словом ее обложить: «мол, все ходишь, ворона аспидная, спасу деревне от тебя нету», - но пригляделась внимательней и прикусила язык. Катерина особый знак подает, вроде того, что беда грянет, а горем не станет. И, правда, дня через три у Антонины разбитый параличом свекор скончался. Похоронили его по чести, а скорбеть не скорбели. Больше двух лет старик лежнем лежал, всей семье руки связал.

В другой раз Вера Гриднева повстречалась с Катериной утром, когда она в светлом платке была. Идет Катерина у них по над забором, смеется, заливается.

-Ты что, Катерина? - изумилась Вера.

Катерина от смеха слова сказать не может, рукой махнула - «Не спрашивай, мол».

Веру любопытство до ушей распирает:

- Ну, скажи, Катерина.

- Узнаешь, - сквозь смех проронила ведунья и ничего больше не прибавила.

В полдень Гридневым из города телеграмма пришла. Дети вызывают золовку и сонаследницу с ребенком сидеть. Вера как прочла содержание, рот ладонью прикрыла и в стайку дрызь. Пока не просмеялась, на глаза золовке не показалась. И после по дому или двору что-либо делает, нет-нет и прыснет. Хоть сдерживай себя, хоть нет - радость наружу сама прет. Со смешинками в глазах провожала золовку на автобус. Та надулась и говорит:

- Сияй - не сияй, полдома все равно мои.

- Не бойсь, не скушаем, тебе оставим, а навещать не зовем, - не задержалась с ответом невестка, но ожесточения в ее тоне не было. Со смехом ушла и злость против нахально поселившейся у них родственницы, которую собственные дети вытеснили из городской квартиры.

Насобирала Вера яиц и пророчице понесла. Не столько за добрую весть, сколько за добрый смех хотела поблагодарить. Он словно душу ей раскупорил и свежий воздух пустил. Но Катерина приношения не приняла, сказала, свои куры несутся. Как ни упрашивала ее Вера продать или в автолавке на что-нибудь обменять - не согласилась. За свои пророчества ведунья никогда ничего не брала, хотя жила одиноко и в помощи посторонней нуждалась.

Катерина не всегда была предсказательницей. Злосчастная судьба повернула ее на путь вестницы скорби, ударив по женщине очередью потерь и потрясений. Возможно, сделала она это с одной лишь целью: поднять к действию глубоко скрытый в Катерине дар. Должно быть, туманно Катерина о нем догадывалась, потому что иной раз могла разглядеть скрытое, но умения своего побаивалась, считала его греховным и для себя бесполезным. Однако ж, и в ту безмятежную пору, когда Катерина наравне с другими деревенскими женщинами жила заботами по дому, детям и мужу, и тогда люди, с нею общавшиеся, замечали за Катериной нечто необыкновенное. Она и взглядом утешит, и словом до сердца дойдет, и настроение рядом с нею бодрее.

Бывало, в уборочную страду, когда работа на зерновом дворе ключом бьет, сядут женщины в затишную минуту передохнуть, балабонят между собой, подковырки, шуточки сыпят, или песню запоют, а одна пригорюнится, рукой подопрется - и молчит, ни на что не откликается. Зуб у нее болит. Уборочное время горячее, каждый работник на пересчет, совестно у бригадира отпрашиваться. И страдает бабенка. Катерина раз взгляд на страдалицу бросит - у той боль ослабеет, взглянет в другой раз - боль совсем уберется. Бабонька оживет, повеселеет, в общий разговор вклинится. Катерина же промолчит, виду не подаст, что это она без лекарств боль увела. Но деревенские женщины приметливы, спроста провести себя не дадут. Если когда-нибудь случай тот вспомнится, обязательно с Катериною свяжут и доказательство приведут. А в истории с Настасьей доказательств совсем не потребуется. Тут все наяву было.

Как-то в девках бежит Настя мимо Катерины. Все мысли ее о том, кого из двух посватавшихся женихов выбрать. Петр Сапунов интересней ухаживает, красивых слов не жалеет, духи дарит. Виктор Крайнов совсем не умеет ухаживать, мнется возле нее, смущается, слова клещами из него не вытянешь. Духов не умеет дарить. Раз с поля букет привез, да и то постеснялся вручить, цветы зря повяли. Ничем непохожие кавалеры, как тут решиться?

- Не раздумывай, Настя, за Виктора выходи, - обратилась к ней Катерина. Настя так и обомлела: тетя Катя ее мысли прочла. Но поскольку взрослая женщина говорила с ней не досужливо, а с пониманием, девушка доверилась ей.

- Мне, тетя Катя, больше Петя нравится.

- Петр хорош в парнях, а Виктор хорош будет в мужиках. Для семьи это важнее, - доходчиво объяснила Катерина, и Настя окончательно ей поверила, а в дальнейшем ни разу не пожалела, что послушалась Катерининого совета. С Виктором все ее незатейливые девичьи мечтания исполнились наяву. И механизатор он первый, и хозяин основательный, и семьянин надежный, и дети у них, и чувство, вспыхнув накануне свадьбы любовью, с годами не убывает. С Петром, как поняла потом Настя, ничего этого она б не имела. Он в парнях перецвел, завлекая и мороча девчат. А когда женился, гнезда вить не захотел, потащил жену красивой жизни искать. Настасью он тоже, когда за нею ухаживал, дальним счастьем прельщал. И она была готова ехать за ним на край света. Вот бы намыкалась попусту. Ее счастье на месте сидело, возле мужа, детей, да вблизи от родителей, которых она до конца досмотрела и с честью похоронила. А Петр счастья на стороне не нашел, жену потерял и сам запропал где-то. Спасибо Катерине - уберегла девушку от ошибки.

Своих же несчастий Катерина предупредить не сумела. Видно, не дано ей о себе и своих близких предугадывать. По весне в яме с талой водой захлебнулся ее младший четырехлетний сынишка. Никого вблизи не оказалось, чтобы увидеть и вытащить мальчика. Катерина в тот раз выстояла, только застолбенела, как бы замерзла в своих чувствах. Прошло еще десять лет. Новое несчастье в ее дом заглянуло. Муж поздно с ночной пахоты возвращался, видно, задремал от усталости и вместе с трактором с косогора скинулся. Не успела Катерина его похоронить, как другие похороны собирать надо. Сын в городе от скоротечной болезни скончался. Вся семья Катерины на кладбище перешла. Себе она тоже смерти молила. Вместо нее открылся ей дар скорбного виденья. Все несчастья ее земляков заранее ею предугадывались. Односельчане стали побаиваться Катерины, сторониться ведуньи, нечаянную встречу с ней почитать за дурной знак. Прежние приятельницы прекратили навещать подругу, заходить к ней в дом, чтобы беды не набраться. Со страха, со зла иль по привычке сваливать на кого-то свои напасти люди начали винить Катерину в том, что она не только оповещает, но и накликает несчастья. Услыхав о том, Катерина опамятовалась. Что ж она своим горем весь белый свет заслоняет? Люди радости ждут, а она беды им носит. Может, и вправду, неволей их накликает? Черное к черному тянется, а у нее на душе один мрак. Люди от нее отстранились, а она от них. Чем ей в таком случае жить? Кроме земляков сельских, никого у нее не осталось. Пожалела Катерина себя, пожалела людей - и полились у нее тихие, примирительные слезы.

Ночью ей виделась змея, овивающая лоб Настасьи Крайновой. Только не к Насте с черной вестью идти! Только не ее радость вспугивать! Принялась Катерина гнать змею. Сколько ни гонит, та не уходит, еще теснее овивает Настину голову. Вдруг где-то вдали младенчик чистым колокольчиком засмеялся. Змея разжала кольцо и нехотя убралась с головы Насти.

«Ну, вот и добрая весть пришла», - сказала себе растроганная детским голоском Катерина и забылась коротким сном.

На заре она поднялась, надела на себя все светлое, праздничное и направилась к дому Насти Крайновой. При виде ее у Настасьи сердце болью зашлось, но, рассмотрев, что Катерина не в трауре и светится, будто умершие ее дети вновь поднялись, Настасья озадачилась.

- Тетя Кать, ты что, умирать собралась?

- Поживу еще, - отозвалась пророчица, заглядывая поверх забора к Настасье во двор.

- А улыбаешься чего?

- Радость тебе принесла.

У Настасьи ноги подкосились. Упала она на колени, руки к небу простерла и кричит:

- Витенька! Витюша!

Внука от старшей дочери по деду Витюшей назвали. Год младенцу исполнился, и свалился он в жестокой болезни. Врачи хорошего исхода не обещали. Со дня на день ждали печальных известий, и тут Катерина радость принесла. Какая еще может быть радость, кроме Витенькиного выздоровления? Глянула Настасья на забор - Катеринина голова над ним уже не торчит, ушла Катерина. Сей же час собралась Настя вместе с мужем в больницу, в райцентр. Там действительно радостная весть их ждала: затяжной кризис у мальчика миновал, жив будет ребенок.

С этого времени горькая Катеринина жизнь осветилась чужой радостью. И хоть не к ней та была обращена, а все-таки душу грела. Односельчане притерпелись к Катерининому дару, потому что не только худые, но и добрые вести от него бывали.

И вдруг Катерина перестала выходить на люди, а по вечерам, вся в черном, кружила и кружила вокруг деревни, ни к одному двору не сворачивая. Односельчане взволновались: «Неужели всей деревне беда предстоит?» «Что же такое с селом будет: неурожай, пожар или мор?». Хотели Катерину спросить, но та от встреч уклоняется, прячется от людей, на расспросы не отвечает.

Собрались тогда женщины: Вера Гриднева, Антонина Маклакова, Настасья Крайнова, кое-кто из соседей и жительниц дальних концов, - и отправились к дому провидицы. Подошли к крыльцу, в избу не заходят, окликают хозяйку снаружи:

- Катерина, выйди к нам!

Катерина не отзывается, а ведь дома сидит, где ж ей еще быть.

- Катерина, мы деревней к тебе пришли, покажись!

- Не покажусь, - откликнулось из избы.

- Катерина, за что ты на нас обиделась? Мы не обижали тебя.

- Не обижали, так обидите! - прозвучал ответ.

- Катерина, поговорить мы с тобою хотим.

- Хоть и поговорим, что толку с того? Все равно вы меня покинете, - показалась сначала в сенях, а потом на крыльце Катерина. Выглядела измученной и почерневшей, словно от нового горя.

- Как мы тебя покинем, скажи? - допытывались женщины.

- Уедете все отсюда, меня да кладбище тут оставите. Я последней на нем лягу, - пророкла Катерина, обводя пронзительным взглядом лица односельчанок.

- Что ты говоришь, Катерина? - вразнобой закричали женщины.

- Неужто никто из вас отъезда уже не задумал? - горько усмехнулась пророчица.

- Если и задумал, так что? Кто уедет, а кто и нет.

- Все уедете, все! Один за другим потянетесь, - ожесточилась Катерина.

- А что нам под горой пропадать? - в оправдание загалдели женщины. - Совхоз нас бросил, сельсовет бросил. Все, что в деревне было, позакрывали. Мед-

пункта нет, магазина нет, почты нет. О клубе и школе уже не говорим. На что нам надеяться и чего ждать? Не обижайся, Катерина, но каждый будет решать сам, где ему лучше.

- А как же деревня?

- Деревню, конечно, жаль, но что поделаешь, раз она никому не нужна.

Женщины погрустнели, заранее смиряясь с судьбою и тем, что им предстоит.

- Давайте, бабоньки, посидим. Может, в последний раз собираемся, - предложила Вера Гриднева.

Женщины расселись, кто на крыльце, кто под окном, и как прежде в совхозе, на общей работе, запели. Песня явилась сама, протяжная и грустная, как прощальный привет.

Куда бежишь, тропинка узкая,
Куда зовешь, куда ведешь?
Кого ждала, кого любила я,
Уж не догонишь, не вернешь.

Осенью, после уборки урожая, жители села Подгорного начали съезжать. Разбирали дома и хозяйственные постройки, если перебирались далече. Увозили целые срубы, если переезжали на центральное отделение бывшего совхоза. Сельсовет и преобразованное из бывшего совхоза предприятие помогали им в этом.

Катерина в черном платке провожала отъезжающих. Люди смущались, отводили глаза, некоторые вслух возмущались:

- Не на смерть едем, на новое место. Что ты нас, как на тот свет, провожаешь?

Другие по-соседски и поземлячески пытались с Катериною объясниться.

- Твои все тут. Понятное дело, ты их не бросишь. Вот и мы к своим близким, к своим детям подвигаемся. Наши жизни еще не кончены, мы лучшей доли для себя ищем.

Настасья Крайнова накануне отъезда пришла к Катерине и сказала:

- Завтра мы уезжаем. Тетя Катя, сделай одолжение, приди провожать нас в светлом платке.

И Катерина пришла в светлом покрытии. На посошок с отъезжающими выпила и долго махала им на выезде из села.

Больше года съезжало село, пока не остался в одиночестве Катеринин двор. В зимние вечера, сидя у горящей печи, пророчица пыталась увидеть дальнейшие судьбы односельчан. Но порванные связи и забывавшиеся лица мешали угадыванью. Дар Катерины от бесполезности угасал. Однако смерти соседей и земляков, где б те ни жили, она видела. Некоторых из них привозили хоронить на родное кладбище. Родственники умершего просили Катерину ухаживать за могилой. Так она и жила единственной хранительницей деревни и смотрительницей кладбища. Еще несколько лет ее видели приходящей раз в месяц на почту за пенсией. Зимой она тянула за собой санки, летом - сумку на колесиках. Получала пенсию, отоваривалась в магазине и уходила назад в запропавшее село Подгорное.

Однажды Катерина пришла на центральную усадьбу бывшего совхоза раньше срока получения пенсии. Навестила дальних, по мужниной линии, родственников, кому завещала дом, потом зашла в сельсовет и наказала похоронить ее такого-то дня и числа. Это было последнее предсказание Катерины, как всегда, до точности верное.

Критика и библиография

Евгений КОРЯКИН.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ В НЕБЕ РОССИИ

У нас в гостях литературный вестник «Багульник» студии военных писателей-баталистов и маринистов Дальнего Востока

Читал книгу, как когда-то в детстве «Тома Сойера», залпом, запоем, не отрываясь, пока не одолел целиком от корки до корки. Военный журналист публицист Валерий Усольцев выпустил историческое повествование «Неизвестные войны в небе России», проливающее свет на многие темные пятна недавнего нашего прошлого, срывающее завесу секретности со тщательно оберегаемых и официально лелеемых «государственных тайн».

То, что в советские времена будоражило слухи, становилось порою предметом нездоровых инсинуаций, досужих домыслов, леденящих сердце, под пером исследователя и историка приобрело качество достоверного факта, непреложной истины, открывающей широкую перспективу для углубленных раздумий и назидательных обобщений. Валерий Усольцев, по нашему разумению, усвоил лучшие уроки классической документалистики.

Эти приемы отточенной и емкой лаконичности в изложении событий, взыскательного отбора фактов и впечатляющего выстраивания их в последовательности логического, наглядного и убедительного видеоряда позволяют автору повествования избегать кричащих «красивостей», навязчивой вычурности, оценочных заключений. Читателю предоставляется возможность делать выводы самому, самостоятельно приходить к поучительным итогам из прочитанного...

Однако, прежде чем продолжить разговор о работе Валерия Усольцева, хочу припомнить один эпизод, который не вошел в его книгу, но который, на наш взгляд, многое поясняет из того, что за ним последовало и стало содержанием «Неизвестных войн в небе России».

По Усольцеву, последние залпы второй мировой отгремели отнюдь не на равнинах и не на сопках Маньчжурии.

На переломной грани двух эпох, двух периодов - между войной и миром - случилось еще одно событие, не шибко рекламируемое в те и последующие времена, остававшееся до поры тайною за семью «государевыми» печатями...

В районе южной оконечности Камчатки, возле восточного побережья, на траверзе мыса «Сердце-Камень», наш пограничный катер, несший патрульную службу, внезапно подвергся нападению «неизвестного» четырехмоторного самолета с закамуфлированными опознавательными знаками.

Около получаса длился неравный бой моряков-пограничников, противопоставивших огневой пушечно-пулеметной моши «летающей крепости» (а по силуэту, абрису крыльев и оперения, расположению моторов - это был именно «Б-29», да и откуда бы ему прилететь, кроме как не с Аляски!) лишь огонь носовой скорострельной артустановки, способной поражать как морские, так и воздушные цели.

До последнего сражались моряки, огрызаясь очередями против настильного, огневого «ковра», обрушиваемого на катер заход за заходом. Покуда выпушенный ими

Новый сторожевой катер, г. Владивосток.

снаряд не лопнул возле самолетных плоскостей и не заставил дымиться один из двигателей. Самолет «чихнул», захлебываясь, и, развернувшись, ушел на восток, оставляя шлейф дыма. Катер еле держался на плаву, горел. Более половины его экипажа погибли. Остальные истекали кровью. Но пограничники выстояли и победили.

Так «последние залпы» второй мировой войны плавно и почти без временного интервала перелились в «первые залпы» войны холодной, которая на самом деле изначально оставалась «горячей», принявшей скрытый, латентный характер.

Много десятилетий длилась необъявленная война против нашей страны в ее воздушном пространстве. Валерий Усольцев скрупулезно, с дотошностью профессионала (он ведь военный летчик) отслеживает подробности многих таких инцидентов. Автор честно, без оголтелого шапкозакидательства говорит о неудачах и потерях, что терпели наши пилоты в схватках с воздушными шпионами, объективно вскрывает причины, в силу которых так нагло вели себя в российском небе незваные гости.

Обнажает он и политическую подоплеку тех драматических событий, приводит исторические параллели из дней минувших и дней теперешних.

Автор освещает любопытные, а порою весьма подозрительные детали, имевшие место быть в том или ином боевом эпизоде, случившемся на наших воздушных границах, в нашем воздушном пространстве как во время войн - Второй мировой и «холодной», - так и после «официального» прекращения «холодного» противоборства.

Например, Великой Отечественной предшествовал беспрепятственный прилет германского транспортника «Юнкерс-52» на аэродром в самом центре Москвы, в районе нынешнего стадиона «Динамо». Тогда это стало поводом для того, чтобы снять с постов и расстрелять почти поголовно все высшее руководство ВВС Красной Армии.

Много лет спустя, также без препон, в Москву прилетел и приземлился на Красной площади, возле собора Василия Блаженного, на легкомоторной «фанере» Матиас Руст. Что и послужило побудительным сигналом для последующего маршальского «звездопада», опустошившего высший генералитет в Министерстве Обороны и Генеральном штабе...

В свете подобных происшествий до сего дня остаются неясными факты взрыва линкора «Новороссийск» на Севастопольском рейде, повлекшем гибель пятисот моряков, а также, добавим от себя, сопоставляя с днями нынешними, аварии с подводным крейсером «Курск». Когда над Камчаткой и Сахалином пролетел южнокорейский «Боинг-747» и был сбит над нашим островом Манерон, я служил в Северо-Восточном пограничном округе. Многие странности, связанные с этим самолетом и не подлежащие тогда разглашению, были известны и мне. К примеру, место падения «Боинга» в море оцепили, охраняя поисковые работы наших водолазов, пограничные сторожевые корабли, в том числе и ПСКР Камчатской морской пограничной дивизии.

Моряки, вернувшиеся из похода, рассказывали: никаких останков пассажиров лайнера водолазы не обнаружили. Ни тел погибших, ни их фрагментов. Что, конечно же, не могло не вызвать недоумений. Обычно такого не бывает. (К слову, и первыми обнаружили «Боинг» тоже стражи границы).

Читая книгу Валерия Усольцева, нахожу наконец и официальное подтверждение тем нашим давним вопросам: что все-таки это был за самолет и почему так и не дали результата поиски тел пассажиров и членов экипажа на месте паления авиалайнера. И, наконец, кому и зачем это было нужно?..

Американский сенат обсуждал тогда беспрецедентный военный бюджет президента Рональда Рейгана, направленный на модернизацию баллистических ракет МХ и развертывание программы «звездных войн» СОИ, которая, кстати, потерпела-таки крах из-за финансовых трудностей...

Работа «Неизвестные войны в небе России» представляется несомненным бестселлером, и не только в наших дальневосточных масштабах. Нет нужды в том, чтобы пересказывать ее содержание. Остается настоятельно рекомендовать читателям познакомиться с этой книжной новинкой.

СПРАВКА

На суде 6 сентября 1987 года Матиас заявил: «Мною руководил лишь идеализм. Я хотел привезти президенту Горбачеву и русскому народу призыв к миру. Я не искал личной славы, но хотел встряхнуть сознание общества». За нарушение границ Матиас Руст был осужден, в тюрьме вел себя прилично, изучал русский язык, вскоре был отпущен на родину.

3 августа 1988 года, спустя 432 дня после своего приземления, Руст вернулся в Германию.

Отец Матиаса занимался в Гамбурге продажей самолётов фирмы «Сесна». К середине восмидесятых интерес к самолётам этой марки резко сократился. После 28 мая дела у него пошли на поправку.

31 мая 1987 года состоялось дерзкое приземление ещё одной «Сесны» на строго охраняемой базе ВВС США в Панаме.

В ноябре 1989 года Матиас Руст повстречал красивую медсестру в госпитале Гамбурга, где он проходил альтернативыную службу. Рассказы о полётах не произвели на неё должного впечатления, и расстроеный Руст нанёс ей два ножевых ранения, за что очутился за решёткой на два с половиной года.

В 1997 году Руст принял индуизм и женился на дочери богатого торговца чаем из Бомбея. Накануне свадьбы он вновь побывал в Москве, на этот раз вполне легально.

В апреле 2001 года Руст был задержан в одном из универмагов Гамбурга за попытку кражи свитера стоимостью 81 доллар.